

В.М. Полтерович

академик РАН, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: К СИНТЕЗУ ДВУХ КАНОНОВ

Аннотация. В ряде работ автором было показано, что экономическая теория находится в перманентном кризисе, обусловленном фундаментальными причинами, и что возможным выходом из него является формирование общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин. В настоящей статье сделана попытка выявить структурные особенности формирующейся синтетической теории, опираясь на концепцию двух канонов. В настоящее время первый канон реализуется в рамках равновесной, а второй — в рамках институционально-исторической школы. Показано, что различия между ними проявляются главным образом в попытках создать общую теорию социально-экономического развития. Преследуя общие цели, они опираются на разные методологические установки. Соединение двух канонов возможно; оно явится важным шагом в совершенствовании науки об обществе.

Ключевые слова: маржинализм, историческая школа, равновесие, экономическая политика, общий социальный анализ.

JEL: B10, B15, B25, N01.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_48_57.

Введение

В работах [Полтерович, 1998; Полтерович, 2011] я попытался показать, что экономическая теория находится в перманентном кризисе, обусловленном фундаментальными причинами, и что возможный выход из него — формирование общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин. Цель настоящей статьи — выявить некоторые структурные особенности синтетической теории. Непосредственным поводом к рассмотрению этого вопроса послужило появление новых теорий социально-экономического развития, претендующих на общность, но при этом не ссылающихся на многочисленные современные модельные исследования. Это обстоятельство побудило меня обратиться к концепции двух канонов, предложенной норвежским экономистом Э. Райнертом [Райнерт, 2011] и развитой в работах В.С. Автономова.

Согласно работам [Автономов, 2012; Автономов 2013; Автономов, Автономов, 2016], экономические исследования, выполненные по первому канону, отличаются строгостью получаемых выводов и при этом неизбежно абстрактны и не связаны с реальной экономической политикой. Второй канон требует практических рекомендаций, пусть и не основанных на строгих заключениях, но учитывающих совокупность конкретных обсто-

ятельств. Классическая политическая экономия и маржинализм принадлежат первому канону, а историческая школа — второму. При этом представители первого канона за редкими исключениями придерживаются либеральной идеологии, а сторонники второго являются государственниками. Отмечаются и попытки синтеза двух канонов, предпринятые А. Маршаллом и Й. Шумпетером.

При рассмотрении нынешней ситуации в сфере экономических исследований очевидна необходимость скорректировать эти тезисы в двух отношениях. Во-первых, современные прикладные исследования нередко опираются на «абстрактные» модели. Так, теория отраслевых рынков или теория банковской деятельности имеют явно выраженную прикладную направленность. Во-вторых, современные «государственники», например знаменитые Дж. Стиглиц или Д. Родрик, опираются на ту же самую технику, что и либералы, а широко читаемая студентам-экономистам дисциплина «Экономика общественного сектора» посвящена изучению всех видов государственной политики, включая налоговую, социальную, промышленную, и при этом опирается на математические модели. Ведь исследования, выполненные по второму канону, неизбежно содержали нечетко определённые абстрактные понятия и нечетко сформулированные гипотезы, что делало соответствующие практические выводы сомнительными и часто неверными. Известно также, что возможности получения обоснованных выводов на основе только эконометрических моделей весьма ограничены. Сегодня эмпирические статьи, публикуемые в журналах высокого уровня, обычно опираются на математические модели, а авторы теоретических конструкций стремятся убедить читателя в их адекватности путем эконометрических расчётов. Нелегко представить себе современного экономиста, который не считал бы выработку практических рекомендаций важной задачей, а их получение на строгих основаниях предпочтительным¹. Обвинения «мейнстрима» в том, что он будто бы не принимает во внимание иррациональность агентов, неполноту знания, негибкость цен и т. п., проистекают из недостаточной информированности критиков. При этом, оценивая достижения экономической науки, следует учитывать, что господствующая идеология и, соответственно, выбор экономической политики определяются отнюдь не только научными соображениями [Полтерович, 2017b].

Тем не менее различие между двумя канонами сохраняется, и проявляется оно главным образом в попытках создать общую теорию социально-экономического развития. Сторонники первого канона пытаются решать эту задачу, сохраняя стандарты научной строгости, и при этом сталкиваются с фундаментальными трудностями. Второй канон допускает возможность обойти эти трудности за счёт нечетко сформулированных гипотез и качественных рассуждений. Нецелесообразно отказываться ни от одного из стандартов, их синтез предполагает структуру знания, о которой пойдет речь ниже.

Две школы — два канона

Сегодня термин «маржинализм» кажется исторической случайностью. То направление в экономической науке, которое было инициировано Г.Г. Госсеном и О. Курно, продолжено У.С. Джевонсом, К. Менгером, Л. Вальрасом и окончательно оформилось в работах К. Эрроу, Ж. Дебре и Л. Маккензи, следовало бы назвать школой экономического равновесия. Под экономическим (или, точнее, социально-экономическим) равновесием системы взаимодействующих агентов понимают такое её состояние, в котором ни один из них, действуя независимо от других, не может улучшить свое положение. Понятие равно-

¹ Ещё в XIX в. подобной позиции придерживался А. Маршалл, а в первой половине XX в. — В. Ойкен (см. [Автономов, 2013; Автономов, Автономов, 2016]).

весия в различных, в том числе теоретико-игровых вариантах его формализации является центральным в современных учебниках по микро- и макроэкономике. Это касается и глав, посвященных «неравновесным» процессам: экономическому росту, функционированию экономики в условиях неполноты и асимметрии информации или негибкости цен. Сегодня и кейнсианство, и чикагская школа оказались включёнными в этот поток исследований — современный мейнстрим.

Заметим, что теория неравновесия — это раздел теории равновесия, где учитывается, что равновесие может достигаться за счёт неценовых параметров — натуральных ограничений, карточек, очередей и т. п. Отклонение от рациональности агентов может проявляться в различных вариантах, таких как неполнота информации, неточное предвидение, недоучет поведения других участников и т. п.

Со времени возникновения теории равновесия ей противостоит историческая школа. В работе [Рутер, Цвайнерт, 2007] авторы, характеризуя творчество одного из её основателей — Г. Шмоллера, в действительности указывают на две важнейшие отличительные черты исторического подхода. Во-первых, представители этой школы стремятся объяснить долговременную эволюцию системы экономических взаимодействий, опираясь на ту или иную концепцию стадий экономического развития или типов экономического строя. Во-вторых, они рассматривают экономические отношения в тесной взаимосвязи с культурными особенностями общества, с его социальной и политической организацией.

Оба принципа историко-экономического исследования отмечены Б. Селигменом. Он писал: «Первые представители исторической школы — Вильгельм Рошер (1817–1894), Бруно Гильденбранд (1812–1878) и Карл Книс (1821–1898) — подчёркивали, что необходимо исследовать вопрос о том, как возникали и развивались экономические институты... Конечной целью являлось развитие общей науки о культуре, в которую политическая экономия вносила бы свою лепту» [Селигмен, 1968. С. 26].

А вот его характеристика метода В. Зомбарта: «Хозяйственная деятельность... обусловлена различными факторами, которые находят воплощение в определённых институтах, а благодаря последним можно выделить определённые черты экономического строя. В этом и состоит основной метод, используемый Зомбартом» в книге «Современный капитализм» [Селигмен, 1968. С. 32]. Зомбарт различал стадии индивидуалистического, переходного и социального хозяйства, а институционалист Т. Веблен — стадии ранней и поздней дикости, хищного и полумирного варварства, ремесленную и промышленную [Селигмен, 1968. С. 33, 65].

Таким образом, два принципа, указанные выше, объединяют не только разные направления исторической школы, но и значительную группу институциональных исследований, так что можно говорить о существовании институционально-исторической школы.

Сегодня, как отмечалось во введении, различия в подходах школы общего равновесия и институционально-исторической школы носят методологический характер и проявляются главным образом в попытках создать теорию социально-экономического развития. Представители первого канона стремятся опереться на математические модели, описывающие взаимодействие типичных агентов (потребителей, работников, фирм, бюрократов, политиков и т. п.) и их сообществ. Сталкиваясь с трудностями, авторы вынуждены ограничиваться частными аспектами развития. Исследователи, следующие второму канону, оперируют агрегированными сущностями (стадия, класс, строй), привлекают большую совокупность факторов — культурных, социальных, политических, получая возможность пусть и на нестрогой основе создать гипотетическую картину эволюции.

Представители институционально-исторического направления нередко подчеркивали, что их усилия направлены на решение практически важных задач. Обнаруживается, однако, что у них нет инструментов для строгого обоснования и верификации своих

выводов. Соответствующие теории и рекомендации связаны с той или иной идеологией² и, значит, оказываются инструментами политической борьбы. При этом вопрос об их истинности отодвигается на второй план.

Через 20 лет после достижения зрелости теория экономического равновесия оказалась в кризисе. В 1973 г. было обнаружено, что функция избыточного спроса, получаемая из модели общего равновесия Эрроу–Дебре–Маккензи, может обладать практически любыми контринтуитивными свойствами (речь идет о теореме Зонненшайна; см. обсуждение и ссылки в [Полтерович, 1998]). Это означало, что для построения содержательной теории необходимо найти достаточно общие и в то же время реалистические условия на функции полезности и технологические множества — условия, которые обеспечивали бы устойчивость равновесия, сходимостъ «естественных» процессов регулирования цен и понятную реакцию равновесия на внешние шоки. Несмотря на многие сотни статей, посвящённые этим проблемам, найти такие условия не удалось. В результате в приложениях применяются крайне упрощенные варианты общей модели, обоснованность которых не вполне ясна. Например, в макроэкономике до сих пор используются двух-трёх продуктовые модели, что существенно ограничивает возможности объяснения макроэкономических явлений.

Несовершенство теории особенно явно обнаруживается при наступлении экономических кризисов. Пожалуй, наиболее разочаровывающим в этом отношении был кризис 2007–2008 гг. [Полтерович, 2011]. Неоднозначность теоретических выводов способствует идеологизации исследований [Полтерович, 2017b] и усиливает ощущение беспомощности экономической науки в период резких социально-экономических сдвигов. Деглобализация, ставшая едва ли не генеральным направлением политики Д.Трампа и совпавшая с ней по времени пандемия, стали ярким подтверждением этого тезиса, окончательно разрушив миф об абсолютных преимуществах рынка над государственной политикой.

План построения экономики по образцу точных наук потерпел поражение. Это выражается прежде всего в том, что до сих пор не обнаружены фундаментальные эмпирические закономерности (типа закона Ньютона), позволяющие выделить фактические траектории развития из числа возможных. Более того, доказан целый ряд теорем о невозможности получить ответы на важнейшие вопросы в общей ситуации (см. [Arrow, 1950; Sonnenschein, 1973; Boldrin, Montrucchio, 1986] и т. п.). В результате теория распалась на множество «частных случаев». Выводы чувствительны к спецификации моделей, а описание областей их применимости отсутствует. Типичным примером является вопрос о супернейтральности денег, ответы на который различны в рамках базовых макроэкономических моделей — модели Рамсея и модели с перекрывающимися поколениями. При этом новые исследования часто не обобщают, а отрицают старые, как это было, например, с кривой Филлипса или теорией ресурсного проклятия. Более точно, как правило, некоторая преэминентность сохраняется, но условия, при которых закономерность действует, остаются размытыми.

В результате возникает ситуация, о которой с горечью пишет известный американский экономист Ариэль Рубинштейн: «За сорок лет моей профессиональной деятельности я не встретил ни одной модели, которая убедила бы меня в том, что экономическая теория может иметь прямое практическое применение» [Rubinstein, 2017. P. 167]. Это цитата из рецензии на книгу Д. Родрика [Rodrik, 2017]. В ней автор, предупреждая читателя, что экономическая наука — это всего лишь «коллекция моделей», тем не менее, на примерах старается убедить его в том, что на основе таких моделей можно получать практически важные результаты.

Неудачи стратегий вызваны не только несовершенством экономической науки, но и сложной системой их отбора и реализации, где сталкиваются интересы общества, политиков и самих экспертов. Решающим элементом этой системы является господствующая идеология в отношении социально-экономических преобразований.

² Так, Г. Шмоллер и В. Зомбарт известны как государственники.

В работе [Полтерович, 1998] я попытался выявить фундаментальные факторы, ответственные за кризис равновесной экономической теории. Приведу три заключения, возможно, наиболее важные. Во-первых, «экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость её изменения опережает темп её изучения». Во-вторых, «изменчивость экономических реалий отчасти коренится в обратном влиянии экономических теорий на экономическое поведение. Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием... экономических агентов и влияют на формирование их ожиданий» [Полтерович, 1998. С. 61]. В-третьих, для понимания экономических явлений необходим синтез целого спектра общественных наук и наук о человеке.

Эпоха синтеза

До конца XIX в. естественные науки развивались по пути дифференциации. Но затем началась эпоха синтеза, которая продолжается до сих пор. Химическая физика, биофизика, биохимия, нейробиология — лишь некоторые примеры синтетических наук, сложившихся в XX в. В конце XX в. процесс синтеза начался и в науках об обществе, причем экономика оказалась в центре этого процесса. Появились такие дисциплины, как поведенческая экономика (экономическая психология), нейроэкономика, эконофизика, экономическая биология, сочетающие методы экономического анализа и естественных наук. Новая политическая экономия и новая экономическая география существенно обогатили ранее сложившиеся синтетические направления. Демография и теория культуры стали обычными инструментами экономического анализа, новый облик приобрела экономическая история, которая сегодня использует и математическое моделирование, и эконометрику.

Ориентация на синтез требует совершенствования экономико-математического аппарата. Сегодня для анализа экономической политики на уровне стран и центральных банков применяются агенто-ориентированные модели и вычислимые модели общего равновесия. Все более мощным направлением экономической теории становится сетевой анализ (см., например, [Acemoglu, Azar, 2020; Acemoglu, Akcigit, Kerr, 2016]). В рамках этого подхода удастся получать интересные результаты по таким важнейшим темам, как распространение шоков, формирование связей между разнородными агентами в процессе принятия решений, образование коалиций. Среди новых применений методов точных наук следует отметить использование уравнений математической физики для описания шумпетерианской динамики (см. обзор в [Полтерович, 2017а]).

Тенденция к синтезу общественных дисциплин опирается на прочный фундамент. Его элементами являются:

- ▶ общий объект исследования: функционирование и развитие общественных институтов, поведение человеческих коллективов в рамках этих институтов;
- ▶ единая эмпирическая база (социально-экономические индикаторы) и единая методология её пополнения (опросы, «полевые» исследования, институциональные и «лабораторные» эксперименты);
- ▶ единый аналитический аппарат: эконометрика и теория игр.

Индикатором указанной тенденции до некоторой степени может служить доля ссылок на неэкономические статьи в экономических журналах. В период с 1950 — 2000 гг. эта доля держалась на приблизительно постоянном уровне — около 20%, а затем начала монотонно расти, составив около 33% в 2014 г.³

³ См. <https://www.nature.com/news/interdisciplinary-research-by-the-numbers-1.18349> (дата обращения: 11 января 2022 г.).

Есть основания полагать, что идет процесс формирования единой научной дисциплины — общего социального анализа [Полтерович, 2011]. Важнейшей задачей на этом пути является объединение институционально-исторической и равновесной школ.

Становление современной институционально-исторической школы: общие теории социально-экономического развития

Последние 25 лет можно считать периодом становления современного институционально-исторического направления. Речь идет в первую очередь о таких работах, как [Даймонд, 2010; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2015; Вельцель, 2017], в которых предложены теории социально-экономического развития. Все они имеют странную особенность — сочетание монокаузальности и мультидисциплинарности. В самом деле, каждая из теорий провозглашает доминирующую роль какой-то одной группы факторов, настаивая на вторичности остальных. Так, Дж. Даймонд утверждает примат географии; и Д. Норт — Дж. Уоллис — Б. Вайнгаст, и Д. Аджемоглу — Дж. Робинсон ставят во главу угла институты, а К. Вельцель — гражданскую культуру⁴.

При этом Дж. Даймонд пишет: «Открытым остается вопрос, ... можно ли привлечь географию для объяснения широкого контекста исторического развития. Сегодня пришла пора взглянуть на эти вопросы свежим взглядом, опираясь на ... генетику, молекулярную биологию и биогеографию... плюс поведенческая экология; молекулярную биологию...; эпидемиологию...; генетику...; лингвистику; археологические исследования...; исследования в области истории техники, письменности и политической организации» [Даймонд, 2010. С. 21]. В работе Д. Норты и его коллег для обоснования важнейшего тезиса о снижении уровня насилия используются данные археологии, и все упомянутые авторы существенно опираются на историю экономических и политических институтов.

Каждая из четырех рассматриваемых работ является существенным вкладом в понимание общественного развития, они вызвали колоссальный интерес экономистов, социологов, историков, политологов. При этом авторы всех четырех теорий вынуждены были признать, что полноценную теорию социально-экономического развития им построить не удалось даже на уровне качественной аргументации. Строго говоря, Дж. Даймонд и не претендовал на создание динамической теории. Он добился значительных результатов в объяснении различий между обществами, сформировавшимися первоначально на разных континентах, но объяснить особенности эволюции разных цивилизаций на евразийском континенте на основе одних только географических факторов оказалось невозможным. Авторы остальных трех теорий столкнулись с трудностями в объяснении переходов между разными стадиями эволюции. В рамках монокаузальных подходов задача оказалась неразрешимой (см. более детальный анализ в [Полтерович, 2018а]).

Наличие тесной взаимосвязи между гражданской культурой и институтами подтверждается многочисленными исследованиями (см. обзор [Alesina, Giuliano, 2015]). Аджемоглу и Робинсон попытались учесть эту связь, дополнив свою теорию [Acemoglu, Robinson, 2016; Аджемоглу, Робинсон, 2021].

Цикл развития, лежащий в основе эволюционной теории, непременно должен включать взаимозависимость человеческих качеств и гражданской культуры, институтов, характеристик научно-технического прогресса и уровня благосостояния. Попытки одновременного учета этих факторов сделаны в ряде работ. К ним относится монография [Fukuyama, 2011], где, однако, не рассматривается Новейшее время. Хотелось бы подчеркнуть мультидисциплинарный характер данного исследования. Автор пишет: «Эта книга охватывает

⁴ См. анализ и сопоставление четырех упомянутых теорий в [Полтерович, 2018а].

большое количество обществ и исторических периодов; я также использую материал из дисциплин, не относящихся к моей собственной, включая антропологию, экономику и биологию». «Эти знания существуют в нескольких различных областях, включая приматологию, популяционную генетику, археологию, социальную антропологию и, конечно же,... эволюционную биологию... Понимание человеческой природы современной биологией... чрезвычайно важно как основа для любой теории политического развития, потому что оно дает нам основные строительные блоки, с помощью которых мы можем понять последующую эволюцию человеческих институтов» [Fukuyama, 2011. Pp. 132–133, 28].

В статье [Полтерович, 2018b] я попытался представить цикл развития, включающий четыре перечисленные выше фактора, для объяснения эволюции трёх основных механизмов координации — конкуренции, власти и сотрудничества.

Вероятная структура общего социального анализа

Нет оснований сомневаться в том, что разработка общей теории социально-экономического развития в рамках институционально-исторического подхода будет продолжена. Однако подобные исследования неизбежно сталкиваются с упоминавшимся выше фундаментальным препятствием: отсутствием универсальных «количественных» законов эволюции. Классические оптимизационные модели механического движения предполагают минимизацию функционала действия, вид которого определяется законом Ньютона. Аналогичные формулировки используются и в других разделах физики. А в моделях экономической динамики потребитель максимизирует интеграл от функции полезности, конкретный вид которой неизвестен.

Не видно никаких путей преодолеть это препятствие. Поэтому задача построения единой модели эволюции общества, модели, которая могла бы служить универсальным источником конкретных рекомендаций, скорее всего, неразрешима. Теория должна строиться на основе синтеза двух канонов. Базовая концепция будет создаваться по канону институционально-исторической школы и неизбежно содержать недоказанные предположения и нестрогие аргументы. Но каждый элемент этой концепции может быть подвергнут дополнительному исследованию с учетом тех или иных конкретных условий по принципам первого канона — на основе эконометрических расчётов и математического моделирования. Так организованная синтетическая теория станет более надежным источником понимания социально-экономического развития и рекомендаций по проведению экономической политики.

Заключение

Мы находимся лишь в начале пути, ведущего к синтезу. Из четырёх упомянутых выше теорий лишь теория К. Вельцеля базируется на эконометрических расчётах. Ни одна из них не только не использует экономико-математический аппарат, но и не ссылается на результаты равновесной школы. Это тем более удивительно, что один из авторов, Д. Аджемоглу, в настоящее время входит в число её признанных лидеров. Уже упоминавшийся обзор [Alesina, Giuliano, 2015] или, скажем, статья [Stiglitz, 2017], представляющая собой обобщение многочисленных работ по изучению государства всеобщего благосостояния, не оставляют сомнений в том, что такие ссылки могли бы сделать предлагаемые концепции более убедительными.

Задача создания общей и в то же время полезной в прикладном отношении теории вряд ли может быть решена на основе единой математической модели. Использование подхода институционально-исторической школы, второго канона, здесь, видимо, неизбежно. И тем

не менее следует стремиться к тому, чтобы современная концепция социально-экономического развития, потребность в которой сегодня столь велика, была выстроена так, чтобы важнейшие её положения либо подкреплялись модельными исследованиями и эконометрическими расчётами, либо были четко сформулированы как гипотезы. Попытки построения такой теории выявят имеющиеся пробелы, которые должны будут постепенно заполняться.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2012). Два канона в истории экономической науки и экономической политики // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 327–334. <https://publications.hse.ru/chapters/67739085>.
- Автономов В.С. (2013). Абстракция — мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Автономов В.С., Автономов Ю.В. (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // Общественные науки и современность. № 4. С. 5–20.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. (2021). Узкий коридор. Государства, общества и цена свободы. — М.: АСТ.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.
- Даймонд Дж.М. (2010). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. — М.: АСТ.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. № 1. С. 46–66.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность. № 2. С. 101–111.
- Полтерович В.М. (2017а). Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 193–201.
- Полтерович В.М. (2017б). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs. идеология // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (35). С. 198–206.
- Полтерович В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. № 11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. №12. С. 77–102.
- Райнерт Э.С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Риттер Х., Цвайнерт И. (2007). Густав Шмоллер и глобализация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Вып. 4. С. 81–102.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. — М.: Прогресс.
- Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. (2016). Networks and the macroeconomy: An empirical exploration // National Bureau of Economic Research Macroeconomics Annual / M. Eichenbaum, J. Parker (eds.). University of Chicago Press. Vol. 30. Pp. 276–335.
- Acemoglu D., Azar P.D. (2020). Endogenous production networks // Econometrica. Vol. 88. No. 1. Pp. 33–82.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2016). Paths to inclusive political institutions // Economic history of warfare and state formation / J. Eloranta, E. Golson, A. Markevich, N. Wolf (eds.). — London: Springer. Pp. 3–50.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions // Journal of Economic Literature. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944.
- Arrow K.J. (1950). A Difficulty in the Concept of Social Welfare // Journal of Political Economy. Vol. 58. No. 4. Pp. 328–346.
- Boldrin M., Montrucchio L. (1986). On the indeterminacy of Capital Accumulation Paths // Journal of Economic Theory. Vol. 40. Pp. 26–39.
- Fukuyama F. (2011). The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution. — New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Paldam M. (2018). A model of the rational economist, as researcher and policy advisor // European Journal of Political Economy. Vol. 54(C). Pp. 5–15.
- Rodrik D. (2015). Economics rules. The rights and wrongs of the dismal science. — New York, London: W.W. Norton.
- Rubinstein A. (2017). Comments on economic models, economics, and economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik // Journal of Economic Literature. Vol. 55. No. 1. Pp. 162–172.
- Sonnenschein H. (1973). Do Walras' identity and continuity characterize the class of community excess demand functions? // Journal of Economic Theory. No. 6. Pp. 345–354.
- Stiglitz J.E. (2017). The Welfare State in the Twenty First Century. Working Paper. — New York: Roosevelt Institute.

Полтерович Виктор Меерович

polterov@cemi.rssi.ru

Victor Polterovich

Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Scientific Direction "Mathematical Economics",
CEMI RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics
polterov@cemi.rssi.ru

**ON THE WAY TO A GENERAL THEORY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT:
TOWARDS THE SYNTHESIS OF TWO CANONS**

Abstract. In a number of works, the author has shown that economic theory is in a permanent crisis due to fundamental reasons, and that a possible way out of it is the formation of a general social analysis based on the synthesis of various social disciplines. Relying on the concept of two canons, this article attempts to reveal the structural features of the emerging synthetic theory. At present, the first canon is being implemented within the framework of the equilibrium school, and the second — within the framework of the institutional-historical school. It is shown that the differences between them are manifested mainly in attempts to create a general theory of socio-economic development. While pursuing common goals, they use different methodological guidelines. The synthesis of the two canons is possible; it will be an important step in the improvement of the science of society.

Keywords: *marginalism, historical school, equilibrium, economic policy, general social analysis.*

JEL: B10, B15, B25, N01.

REFERENCES

- Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. (2016). Networks and the macroeconomy: An empirical exploration // *National Bureau of Economic Research Macroeconomics Annual* / M. Eichenbaum, J. Parker (eds.). University of Chicago Press. Vol. 30. Pp. 276–335.
- Acemoglu D., Azar P.D. (2020). Endogenous production networks // *Econometrica*. Vol. 88. No. 1. Pp. 33–82.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2016). Paths to inclusive political institutions // *Economic history of warfare and state formation* / J. Eloranta, E. Golson, A. Markevich, N. Wolf (eds.). London: Springer. Pp. 3–50.
- Acemoglu D., Robinson D.A. (2015). *Pochemu odni strany bogatyie, a drugiye bednyie. Proiskhozhdeniye vlasti, protsvetaniya i nishchety* [Why Nations Fail: The Origin of Power, Prosperity and Poverty]. — M.: AST. (In Russ.).
- Acemoglu D., Robinson D.A. (2021). *Uzkiy koridor. Gosudarstva, obshchestva i tsena svobody* [The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty]. — M.: AST. (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2013). Abstraktsiya — mat' poryadka? [Is abstraction the mother of order?] // *Voprosy ekonomiki*. No. 4. Pp. 4–23. (In Russ.).
- Avtonomov V.S. (2012). Dva kanona v istorii ekonomicheskoy nauki i ekonomicheskoy politiki [Two canons in the history of economic science and economic policy] // *XIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Kn. 4.* [XIII International scientific conference on the problems of economic and social development. Book 4]. — M.: Izdatel'skiy dom HSE. Pp. 327–334. <https://publications.hse.ru/chapters/67739085>. (In Russ.).
- Avtonomov V.S., Avtonomov Yu.V. (2016). Obshchaya teoriya «sporov o metodakh» v ekonomicheskoy nauke [The general theory of "disputes about methods" in economic science] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No. 4. Pp. 5–20. (In Russ.).
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944.
- Arrow K.J. (1950). A Difficulty in the Concept of Social Welfare // *Journal of Political Economy*. Vol. 58. No. 4. Pp. 328–346.
- Boldrin M., Montrucchio L. (1986). On the indeterminacy of Capital Accumulation Paths // *Journal of Economic Theory*. Vol. 40. Pp. 26–39.
- Diamond J.M. (2010). *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Istoriya chelovecheskikh soobshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. — M.: AST. (In Russ.).
- Fukuyama F. (2011). *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. — New York: Farrar, Straus and Giroux.
- North D., Wallis J.J., Weingast B. (2011). *Nasiliye i sotsial'nyye poryadki. Kontseptual'nyye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. — M.: Izd-vo Instituta Gaydara. (In Russ.).
- Paldam M. (2018). A model of the rational economist, as researcher and policy advisor // *European Journal of Political Economy*. Vol. 54(C). Pp. 5–15.

- Polterovich V. M. (2018a). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast' 1. Geografiya, instituty ili kul'tura? [Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?] // *Voprosy ekonomiki*. No. 11. Pp. 5–26. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2018b). K obshchey teorii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya. Chast' 2. Evolyutsiya mekhanizmov koordinatsii [Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Voprosy ekonomiki*. No. 12. Pp. 77–102. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (1998). Krizis ekonomicheskoy teorii [Crisis of economic theory] // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. No. 1. Pp. 46–66. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2017b). Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs. ideologiya [Designing Socio-Economic Development Strategies: Science vs. Ideology] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 3 (35). Pp. 198–206. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2011). Stanovleniye obshchego sotsial'nogo analiza [The formation of general social analysis. Social sciences and modernity] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. No.2. Pp. 101–111. (In Russ.).
- Polterovich V.M. (2017a). Teoriya endogenno ego ekonomicheskogo rosta i uravneniya matematicheskoy fiziki [Theory of endogenous economic growth and equations of mathematical physics] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. No. 2. Pp. 193–201. (In Russ.).
- Reinert E.S. (2011). *Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi* [How rich countries got rich and why poor countries remain poor]. M: Izdatel'skiy dom GU HSE. (In Russ.).
- Rieter H., Zweinert I. (2007). Gustav Shmoller i globalizatsiya [Gustav Schmoller and globalization] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 5. Is. 4. Pp. 81–102. (In Russ.).
- Seligman B. (1968). *Osnovnyye techeniya sovremennoy ekonomicheskoy mysli* [Main Currents of Modern Economics: Economic Thought Since]. — M.: Progress. (In Russ.).
- Rodrik D. (2015). *Economics rules. The rights and wrongs of the dismal science*. — New York, London: W.W. Norton.
- Rubinstein A. (2017). Comments on economic models, economics, and economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik // *Journal of Economic Literature*. Vol. 55. No. 1. Pp. 162–172.
- Sonnenschein H. (1973). Do Walras' identity and continuity characterize the class of community excess demand functions? // *Journal of Economic Theory*. No. 6. Pp. 345–354.
- Stiglitz J.E. (2017). *The Welfare State in the Twenty First Century. Working Paper*. — New York: Roosevelt Institute.
- Welzel C. (2017). *Rozhdeniye svobody* [The birth of freedom]. — M.: VTSIOM. (In Russ.).